

ВОСТОЧНОБАЛКАНСКИЕ КОРНИ ПЕКТОРАЛИ ИЗ ТОЛСТОЙ МОГИЛЫ

Леонид Бабенко

старший научный сотрудник, Харьковский исторический музей имени
Н.Ф. Сумцова (Харьков, Украина), babenkolnd@gmail.com, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-5498-9278>

Золотая пектораль, обнаруженная Б.Н. Мозолевским в 1971 году в Толстой Могиле, получила широкую известность. Однако в скифской среде украшения подобной формы не имели глубокой традиции и практически не получили распространения. Многие идеи, используемые тореvтом при изготовлении шедевра, были заимствованы им из иной культурной среды. Заметное влияние на замысел тореvта могли оказать идеи, подчерпнутые им из культуры населения Восточных Балкан – Фракии и Македонии.

Многие исследователи полагают, что весомое влияние на замысел пекторали могли оказать фракийские и македонские нагрудники. Их сближает сходство общей формы, размеры, структура композиции в виде концентрических изобразительных фризов, а также орнаментация средней зоны выющимися растительными побегам. Еще более зримо связь пекторали с балканским регионом отражает тождественность таких элементов растительного орнамента как закрученные в спираль побеги, пальметты и листья аканта, из которых смонтированы композиции среднего фриза пекторали и диадемы из Вергины и Ставрyполиса.

Идея воссоздания картины мироздания, которая воплощена в композиции пекторали с помощью барельефных фигурок, могла быть подчерпнута тореvтом из гомеровского описания щита Ахилла. В этом случае связующим звеном между лежавшими у истоков замысла пекторали «щитом Ахилла» и фракийскими и македонскими нагрудниками могли стать щиты-пелты. Этот вид фракийского доспеха был хорошо известен тореvтам и воплощен ими в ряде произведений. Несомненный интерес представляет и предложенная недавно новая трактовка сцен с антропоморфными персонажами верхнего фриза пекторали, которые могут быть связаны с легендой о происхождении македонской династии.

Эти и другие наблюдения свидетельствуют о несомненном влиянии на мастера пекторали культуры населения Фракии и Македонии.

Ключевые слова: Скифия, Фракия, Македония, пектораль, Толстая Могила.

EASTERN BALKAN ROOTS OF THE PECTORAL FROM THE TOVSTA MOHYLA.

Leonid Babenko

Senior Researcher, M. F. Sumtsov Kharkiv Historical Museum
(Kharkiv, Ukraine), babenkolnd@gmail.com, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-5498-9278>

The golden pectoral, which was found by B.M. Mozolevsky in 1971 in the Tovsta Mohyla, became widely known. However in the Scythian sphere the ornaments of such shape didn't have a deep tradition and actually were not spread. Many ideas that were used by a tureut when making a masterpiece, were borrowed by him from other cultural environment. The marked impact on a tureut's conception could have been made by the ideas that were picked up by him from the culture of the Eastern Balkan people – Thrace and Macedonia.

Many researches deem that a heavy impact on a pectoral's conception could have been caused by breastplates from Thrace and Macedonia. They are brought together by the common shape likeness, size, composition structure as concentric visual friezes, and also by ornamentation of the middle zone

with rambling floral spears. The pectoral connection with the Balkan region is reflected even more visibly by the identity of such floral ornament elements as twirled in curl spears, palmettes and acanthus leaves which form the composition of the middle frieze of the pectorals and diadems from Vergina and Stavroupoli.

The idea of recreating a picture of the universe which is implemented in the pectoral composition by bas-relief figures, could have been picked up by a toureut from Homer's description of the shield of Achilles. In this case the connecting link between the original intention of the shield of «Achilles» pectoral and breastplates from Thrace and Macedonia could be pelta shield. This kind of Thracian armor was well known by the toureuts and was implemented by them in series of work. Also very noteworthy is the recently suggested representation of scenes with anthropomorphic characters of the pectoral upper frieze, which can be related to the legend of the Macedonia dynasty origin.

These and other observations give evidence of doubtless influence of Thrace and Macedonia peoples culture on pectoral master.

Keywords: Scythia, Thrace, Macedonia, pectoral, Tovsta Mohyla.

С момента своего открытия пектораль из Толстой Могилы стала одним из наиболее узнаваемых символов украинской археологии и получила широкую известность далеко за пределами научного круга. Между тем, современное состояние источниковой базы позволяет утверждать, что в самой скифской среде пекторали как нагрудные украшения в форме луны большого распространения не получили. Помимо Толстой Могилы, пекторали-луны найдены в Большой Близице, в которой были погребены представители боспорской или синдской знати (Kalashnik 2014, 188–193), а также в кургане 493 у с. Ильинцы (Galanina 1977, 36). Но нагрудная пластина из этого погребения конструктивно и функционально столь отлична, что едва ли корректно ставить ее в один ряд с драгоценными пекторальями.

С одной стороны, пектораль из Толстой Могилы можно рассматривать как своеобразную усложненную модификацию гривны – традиционного украшения скифов – одной из наиболее зримых инсигний высокого социального статуса владельца (Babenko 2018, 187–204). Но в виду явной инновационности украшений в форме луны в скифской среде определение исторических корней пекторали представляется актуальной задачей.

Относительно широкое распространение луны в территориально и хронологически соприкасающихся со скифами культурно-исторических областях свидетельствует не в пользу конвергентного характера рождения замысла пекторали из Толстой Могилы. Первая область, где распространение луны получило заметные масштабы, локализуется к юго-востоку от Скифии – в пределах Урарту. Здесь пекторали хорошо известны в памятниках VIII–VII вв. до н.э. (Kellner, 1977; 1985; 1991; Merhav, 1991). Однако хронологическая лакуна в три столетия между временем бытования пекторалей в Урарту и временем создания пекторали из Толстой Могилы препятствует восприятию урартских пекторалей в качестве исходной традиции, не говоря уже о стилистических и конструктивных отличиях украшений (Babenko 2018, 189).

Вторая область распространения луны располагается именно на Восточных Балканах и взоры исследователей были обращены на нее буквально с момента открытия пекторали. Первым и наиболее ревностным сторонником фракийского происхождения пекторали из Толстой Могилы была А. П. Манцевич. В серии работ, посвященных этому шедевру греко-скифской тореvтики, исследовательница с хорошо известной скифологам пристрастностью попыталась выявить множественные элементы фракийской культуры в разнообразных образах и сюжетах пекторали (Mantsevich 1974; 1975; 1976; 1980).

Так, сцены терзания лошадей грифонами на нижнем фризе пекторали А. П. Манцевич сопоставляла с композицией на мозаике из Олинфа (рис. 1: 1, 9). Прикрепленный к рубахе «чешуйчатый пояс» с доспехом из Голематой Могилы (рис. 1: 2, 10). Закрученные в чубы волосы персонажей центральной сцены с «чубатыми» фракийцами Гомера и похожей прической сатира на серебряном ритоне из с. Розовец. Общий их облик – с монетным портретом Севта III (325–313) (рис. 1: 3–5, 11, 12). Одинарные и двойные розетки растительного фриза – с розетками на ожерелье из Куковой могилы и серьгах из Врацы (рис. 1: 6, 7, 13). Траптовку меха на овцах верхнего фриза с мехом овцы на ритоне из клада г. Па-

нагюриште (рис. 1: 8, 14). Наконец, общую форму пекторали – с железными, покрытыми серебряными пластинами нагрудниками (элементами доспеха) из Мезека и Вырбицы (рис. 2: 1, 3, 4) (Mantsevich 1980, 97–120). Из совокупности изложенных наблюдений следовал соответствующий вывод – пектораль из Толстой Могилы – «изделие выдающегося фракийского художника, изготовленное во Фракии в эпоху расцвета царства одрисов» (Mantsevich 1980, 119).

Подобная категоричность выводов о фракийском происхождении пекторали не получила широкой поддержки и была оспорена многими исследователями. Б. Н. Мозолевский счел изложенную А. П. Манцевич аргументацию неубедительной, отдавая предпочтение боспорскому происхождению пекторали (Mozolevskiy 1979, 214). Более сдержано подошла к сравнению пекторали из Толстой Могилы и фракийских нагрудников и А. И. Мелюкова. Признавая сходство их орнаментов, исследовательница полагала, что оно не может свидетельствовать в пользу фракийского происхождения пекторали, т.к. в обоих случаях растительный мотив имеет греческое происхождение (Meliukova 1979, 204, 205).

В дальнейшем фракийский след при изучении пекторали из Толстой Могилы прослеживался в основном в контексте ее сравнения именно с фракийскими нагрудниками, чему способствовало и увеличение их выборки – к нагрудникам из Мезека (Venedikov et al. 1973, 230) и Вырбицы (Archibald 1985, 167; Faklaris 1991, 9), а также найденного ранее, но сильно разрушенного из Янково (Archibald 1985, 168; Faklaris 1991, 11), добавились находки из памятников Северной Греции – Вергины (Andronicos 1984, 188), Катерины (Archibald 1985, 169) и Пидны (Faklaris 1991, 3, 7). При этом исследователями акцент мог делаться как на сходстве пекторалей, так и их различии.

З. Арчибальд полагала, что пектораль из Толстой Могилы не связана непосредственно с фракийско-македонскими нагрудниками и рассматривала ее как имитацию нагрудников в ажурной форме, допуская возможное происхождения этих форм из Передней Азии (Archibald 1985, 181). Э. Якобсон, сравнивая пектораль из Толстой Могилы с фракийско-македонскими нагрудниками и, прежде всего, пекторалью из Вергины, делала акцент на различии обоих предметов – технологическом, функциональном и орнаментальном (Jacobson 1995, 101, 102). Отдаленную связь пекторалей из Толстой Могилы и Большой Близницы с фракийскими нагрудниками отмечал Д. Бордман (Boardman 1994, 210).

Й. Форназье, решая проблему происхождения скифских пекторалей посредством сравнительного анализа формы и функции, привлек фракийские аналогии и пришел к выводу, что фракийские нагрудники, как и пекторали из Северного Причерноморья, служили средством выражения высокого религиозного, политического или военного положения носителя. Но в то же время скифские пекторали обладали более специфическим смыслом, так как в их сюжетах задействованы более обширные комбинации кодов, что предопределяет и более сложную интерпретацию (Fornasier 1997, 137–146).

По мнению М. Ю. Трейстера, пекторали из Фракии и Македонии были источником вдохновения для мастера пекторали из Толстой Могилы, который мог также иметь фрако-македонское происхождение (Treister 2005, 63). Также исследователь считает заслуживающей внимание гипотезу П. Факлариса об изготовлении пекторалей из Толстой Могилы и Большой Близницы в Восточной Македонии, в Амфиполе (Treister 2010, 555, 556). Следует все же заметить, что греческий исследователь подобное предположение высказал лишь в отношении находок из Фракии и Македонии (Faklaris 1991, 16), а указанные скифские пекторали им упомянуты как пример использования подобных изделий в качестве не элементов доспеха, а декоративных и статусных украшений (Faklaris 1991, 12).

Можно согласиться с мнением Н. А. Гаврилюк о том, что «вопрос о степени соответствия фракийских нагрудников и пекторали из Толстой Могилы... все еще актуален» (Gavriliuk 2016, 285). Различаясь технологией изготовления и, отчасти, функциональным применением, фракийско-македонские и скифские пекторали совпадают по целому ряду других признаков. А именно, практически идентичным луновидным абрисом, структурой композиции в виде концентрических изобразительных фризов, использованием в орнаментации мотива вьющихся растительных побегов со спиральными завитками. Впечатление сходства усиливает и близость диаметра пекторали из Толстой Могилы (30,6 см) с нагрудниками из Вергины (30 см), Мезека (29 см) и Пидны (30,5 см) (Archibald 1985, 165, 166; Faklaris 1991, 2).

В этой связи принципиальное значение в определении возможного влияния на пектораль из Толстой Могилы фракийско-македонских нагрудников приобретает их хронологическая корреляция. В случае более поздней даты фракийско-македонских нагрудников постановка подобной проблемы представляется некорректной. Между тем, единого мнения о дате нагрудников не существует. В отношении ряда находок отсутствуют основания для их надежных датировок. Для пекторали из Мезека предложены разные даты – первая половина, середина или последняя четверть IV в. до н.э. (Venedikov et al. 1973, 104, 105; Archibald 1985, 181). Пектораль из Пидны П. Н. Факларис датирует третьей четвертью IV в. до н.э. (Faklaris 1991, 16, 17). Поэтому особое значение приобретает датировка Большого кургана в Вергине, которая может предоставить абсолютную дату. Несмотря на имеющуюся дискуссию, первоначальная гипотеза М. Андроникаса о принадлежности гробницы Филиппу II Македонскому в настоящее время представляется наиболее обоснованной, в том числе и на основании идентификации погребенного посредством антропологического исследования его останков (Alekseev 2003, 252–254; Polin 2014, 468–471). В этом случае погребение датируется 336 г. до н.э. Сама же пектораль, относящаяся, как и знаменитый горит типа Карагодеуашх-Вергина, к категории военных трофеев или дипломатических даров, была обретена Филиппом II в период завоевания фракийских земель между 359–342 гг. до н.э. Соответственно, ее изготовление припадает на еще более раннюю дату – по меньшей мере, вторую четверть IV в. до н.э. Это вполне согласуется с предложенными для Толстой Могилы датами в пределах третьей, или, даже, второй, четверти IV в. до н.э. (Alekseev 2003, 263, 264; Polin 2014, 273–279). О небольшом разрыве между временем изготовления пекторали и положением ее в могилу свидетельствует отсутствие явных следов потертости, которые хорошо заметны на гривнах из Толстой Могилы и Чертомлыка. А также небольшое число повреждений, избежать которых в условиях беспокойного кочевого и военного быта в течение длительного времени было очень затруднительно. Следовательно, нагрудник из Вергины и ему подобные вполне могли играть роль своеобразного прототипа для мастера пекторали из Толстой Могилы.

Более подробно следует остановиться на возможной связи орнаментации одного из фризов пекторали и большинства нагрудников растительными побегам. Здесь едва ли уместно говорить о прямом заимствовании этого сюжета непосредственно с фракийских нагрудников, о чем писала еще А. И. Мелюкова (Meliukova 1979, 204, 205). С одной стороны растительными композициями в виде исходящих из центрального акантового куста вьющихся растительных побегов в IV в. до н.э. были декорированы очень многие изделия торевтов, исполнявших заказы скифов. Причем их можно встретить как на шедеврах, сопоставимых с пекторалью (серебряная амфора из Чертомлыка), так и на изделиях массового характера (пластины головных уборов). Таким образом, заимствование торевтом, изготовившим пектораль, идеи подобной растительной композиции могло и не иметь внешнего характера. Ее он мог «подсмотреть», знакомясь с подобным орнаментом на других изделиях, и уже потом воплотить в другой технике и на более высоком художественном уровне в своем шедевре. С другой стороны, и область распространения подобного орнамента не ограничивалась греческим миром и его ближайшей округой – вьющиеся растительные узоры широко использовались южноиталийскими художниками, особенно в расписной посуде, что убедительно доказал М. Пфроммер (Pfrommer 1982, 119–190). Более явственную связь среднего фриза пекторали с фракийским и македонским регионом демонстрирует не столько близость композиции растительного орнамента, сколько его техническое исполнение. Пышный растительный узор на пекторали образуют объемные элементы орнамента, изготовленные с использованием различных технических приемов и соединенные в замышленную композицию на плоской пластине при помощи пайки, резе – в нескольких местах посредством круглых заклепок и проволочных скоб (Pidvyotska et al. 2002, 17–26). На фоне широкого распространения растительных композиций на изделиях греко-скифской торевтики подобное техническое воплощение уникально. Между тем, очень многие элементы растительного орнамента, а именно – закрученные в спираль проволочные усики, листья аканта с рубчатými краями, пламенеющие пальметты, двойные розетки – но соединенные в другую композицию, можно увидеть на проволочных диадемах из гробницы Филиппа II в Вергине и Ставрполисе, на севере

Греции. Помимо этого, в обоих случаях – и на пекторали, и на диадеме лепестки розеток и некоторые другие элементы декорированы голубой эмалью. Оба эти украшения сопоставляет с цветочным орнаментом среднего фриза пекторали в своей работе Й. Гебауэр (Gebauer 1997, 149), но не акцентировано, мимоходом, в подстрочной ссылке. Но явственная близость целого набора элементов, используемых в конструкции обоих украшений и, по-видимому, изготовленных с использованием одних и тех же технических приемов, свидетельствует если не об одной руке мастера или хотя бы мастерской, то о несомненном их заимствовании и демонстрирует еще одну «фракийско-македонскую» параллель в композиции пекторали.

Еще один такой фракийский след можно увидеть, если развить уже упомянутый перспективный тезис М. Ю. Трейстера о фракийско-македонских нагрудниках как источнике вдохновения для мастера пекторали из Толстой Могилы (Treister 2005, 63). Вероятнее всего, замысел пекторали рождался на основе не какой-то одной идеи, а целого комплекса, в процессе сложного их переплетения и различных трансформаций. И нагрудники не были единственным таким источником – круг подобных заимствований, а соответственно изобразительной эрудиции мастера был значительно шире. В числе других источников, оказавших заметное влияние на формирование образа пекторали, можно назвать отмеченные Б. Н. Мозолевским скульптурные композиции фронтонов Парфенона, наследование которым угадывается в построении изобразительных фризов пекторали (Mozolevskiy 1979, 216, 217), а также ряд монетных сюжетов (сцены вскармливания телят, чешущая лошадь на монетах из Керкиры, Аполлонии, Диррахии, Каристоса), заимствованных торевтом (Babenko 2017, 30–33).

Очень симптоматично, что сразу несколько исследователей независимо друг от друга в том или ином контексте сопоставили пектораль из Толстой Могилы с мифическим щитом Ахилла (Iatsenko 1977, 96–97; Lelekov et al. 1988, 222, 223; Mikhailin 2005, 34), подробное описание которого изложено более чем в 130 строках в 18 песне «Илиады» (II, XVIII, 468–609). По своей сути и щит Ахилла, и пектораль являются высокохудожественными произведениями искусства, на которых с помощью сюжетно противопоставленных сцен, оформленных посредством барельефных/горельефных фигурок, воссозданы космологические картины мира. Поэтому, принимая во внимание огромную популярность в древнегреческом мире произведений Гомера и несомненное знакомство с ними мастера пекторали (особенно с пассажем об изготовлении щита, в котором Гефест по существу сам предстает мастером-торевтом), можно вполне предположить, что описание щита Ахилла способствовало оформлению идеи воссоздать подобную космограмму с использованием близких и понятных скифам образов и сюжетов.

Необходимо отметить, что фракийско-македонские нагрудники являются фактически небольшими подвесными щитами, защищавшими в бою одно из наиболее уязвимых мест воина. По своей форме и функциям они близки пельтам – лёгким кожаным щитам в форме полумесяца, бытовавшим с ними в одно время и на одной территории и используемым фракийскими пехотинцами-велитами (пелтастами). Подобные пельты были не только хорошо известны работающим на заказчиков из Северного Причерноморья торевтам, но и воспроизведены ими в батальных сценах на гребне из Солохи и калафе из Большой Близицы (Alekseev 2012, 139; Kalashnik 2014, 158) (рис. 3: 8–10). Еще две пельты можно увидеть в руках персонажей сцен охоты, которыми украшен большой лекиф Ксенофанта (Vinogradov 2007, 59) (рис. 3: 11).

Таким образом, можно полагать, что замысел пекторали во многом зиждился на разнородных, но тем или иным образом связанных между собой идеях. В итоге сложной трансформации ассоциативной цепочки *щит Ахилла* — *щит-пельта* — *щиты-нагрудники* (или в обратном порядке) и синтеза нескольких идей был создан общий образ пекторали с соответствующей формой, структурой композицией и отдельными орнаментальными мотивами (Babenko 2019, 273–275).

В кругу работ, посвященных пекторали, доминируют исследования, посвященные изучению проблем семантики образов и сюжетов, львиную долю которых составляют интерпретации центральной сцены, которую полагают чисто бытовой, как эпизод праздника или церемонии или же рассматривают ее как иллюстрацию эпоса или мифа. В персонажах же видят чаще всего представителей скифского, иногда шире – иранского мира, в

исключительных случаях – Боспора (обзор мнений см. Babenko 2013, 111–113). Но совсем недавно Е. В. Савостиной была предложена еще одна, во многом инновационная трактовка сцен с антропоморфными персонажами верхнего фриза (рис. 4: 1–3), которых автор связала с легендой о происхождении македонской династии. А именно – с бежавшими из Аргоса братьями, нанявшимися сначала в работники к иллирийскому царю (старший при конях, средний при коровах, младший при мелком скоте), но позже добившихся царской власти в Нижней и Верхней Македонии. Саму же пектораль Е.В. Савостина рассматривает как дар скифам или их трофей, полученный ими, исходя из контекста, именно из македонского мира (Savostina 2016, 85, 86; 2019, 68–71).

Таким образом, даже оставляя за рамками тот факт, что признаваемое большинством исследователей боспорское происхождение пекторали также может иметь фракийскую составляющую – в силу правления в это время на Боспоре фракийской династии Спартокидов и вполне вероятной активной деятельности ювелиров из Фракии, балканское – фракийское и македонское – влияние на рождение шедевра – пекторали из Толстой Могилы приобретает все более явственные и разнообразные очертания.

ЛІТЕРАТУРА / REFERENCES

Alekseev, A. Iu. 2003. Khronografiia Evropeiskoi Skifii VII–IV vekov do n.e. [The Chronography of European Scythia (7th–4th centuries BC)]. Saint Petersburg: The State Hermitage Publishing House, 416 s. (In Russian).

Алексеев, А. Ю. 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 416 с.

Alekseev, A. Iu. Zoloto skifskikh tsarei iz sobraniia Ermitazha [The Gold of the Scythian Kings]. Saint Petersburg: The State Hermitage Publishing House, 2012, 272 s. (In Russian).

Алексеев, А. Ю. Золото скифских царей из собрания Эрмитажа. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2012, 272 с.

Andronikos, M. 1984. Vergina: the royal tombs and the ancient city. Athenon: Ekdotike Athenon, 244 p.

Archibald, Z. H. 1985. The Gold Pectoral from Vergina and its Connections. *Oxford Journal of Archaeology*, № 4, p. 165–185.

Babenko, L. I. 2013. Do semantky tsentralnoi stseny pektorali z Tovstoi Mohyly [About the Pectoral from Tovsta Mohyla composition semantics]. *Starozhytnosti 2013 [Antiquities 2013]*. Kharkiv, s. 111–122. (In Ukrainian).

Бабенко, Л. І. 2013. До семантики центральної сцени пекторалі з Товстої Могили. *Старожитності 2013*. Харків, с. 111–122.

Babenko, L. I. 2017. Dva monetnykh siuzheta na izdeliakh greko-skifskoi torevitki [Two Monetary Plots on Handiwork of Greek-Scythian Toreutics]. *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy [Archaeology and ancient history of Ukraine]*, вип. 2 (23), s. 30–39. (In Russian).

Бабенко, Л. І. 2017. Два монетних сюжета на изделиях греко-скифської торевтики. *Археологія і давня історія України*, вип. 2 (23), с. 30–39.

Babenko, L. I. 2018. Pektoral ili grivna? (o sootvetstvii termina i morfologii ukrasheniia) [Pectoral or Torque? (matching the terminology and the morphology of this adornment)]. *Stratum plus*, № 3, s. 187–204. (In Russian).

Бабенко, Л. І. 2018. Пектораль или гривна? (о соответствии термина и морфологии украшения). *Stratum plus*, № 3, с. 187–204.

Babenko, L. I. 2019. Voennaia tematika pektorali iz Tolstoi Mogily [Military Topics of the Pectoral from Tolstaya Mogila]. *Stratum plus*, № 3, s. 261–284. (In Russian).

Бабенко, Л. І. 2019. Военная тематика пекторали из Толстой Могили. *Stratum plus*, № 3, с. 261–284.

Boardman, J. 1994. The diffusion of classical art in antiquity. London: Thames and Hudson, 352 p.

Dally, O. 2008. Skythische und graeco-skythische bildelemente im Nördlichen Schwarzmeerraum. *Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skyten*. München–Berlin–London–New York: Prestel, S. 291–298. (In German).

Ellinikos Politismos. Psiphidota [Greek culture. Mosaic]. URL: http://users.sch.gr/ipap/Ellinikos_Politismos/psi/psiphidota.htm. (Date of the application 04.04.2019). (In Greek).

Ελληνικός Πολιτισμός. Ψηφιδωτά. URL: http://users.sch.gr/ipap/Ellinikos_Politismos/psi/psiphidota.htm. [Ημερομηνία της αίτησης 04.04.2019].

Faklaris, P. V. 1991. Peritrachelion [Gorget-Peritrachelion]. *Archailogiko Deltio [Archaeological Bulletin]*. Athena, t. 40, s. 1–16. (In Greek).

- Φάκλαρης, Π. Β. 1991. Περίτραχίλιον. *Αρχαιολογικό Δελτίο*. Αθήνα, 1991, τ. 40, σ. 1–16.
- Formasier, J. 1997. Das Pectorale aus der Tolstaja Mogila Vergleichende Untersuchungen zur Form und Funktion. *Zur graeco-skythische Kunst. Archologisches Kolloquium Münster*. Münster: Ugarit-Verlag, S. 119–146. (In German).
- Galanina, L. K. 1977. Skifskie drevnosti Podneprov'ia (Ermitazhnaia kollektsiia N. E. Brandenbura) [Scythian Antiquities of the Dnieper Basin (The Hermitage Collection of N. E. Brandenburg)]. Moskva: Nauka, 68 s. (In Russian).
- Галанина, Л. К. 1977. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга). Москва: Наука, 1977, 68 с.
- Gavriiliuk, N. A. 2016. Pektoral iz Tolstoi Mogily kak istochnik dlia izuchenii ekonomiki Stepnoi Skifii. Istoriografiia voprosa [The Pectoral from Tovsta Mohyla as a source for the study of the economy of Steppe Scythia. Historiography of the problem]. *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy* [Archaeology and ancient history of Ukraine], вып. 2 (19), s. 284–291. (In Russian).
- Гаврилюк, Н. А. 2016. Пектораль из Толстой Могилы как источник для изучения экономики Степной Скифии. Историкография вопроса. *Археология і давня історія України*, вип. 2 (19), с. 284–291.
- Gebauer, J. 1997. Rankengedanken – zum Pectorale aus der Tolstaja Mogila. *Zur graeco-skythische Kunst. Archologisches Kolloquium Münster*. Münster: Ugarit-Verlag, S. 147–160. (In German).
- Gold der Thraker*. 1979. Archäologische Schätze aus Bulgarien. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 240 S. (In German).
- Iatsenko, I. V. 1977. Iskusstvo epokhi rannego zheleza [The Art of the Early Iron Age]. *Proizvedeniia iskusstva v novykh nakhodkakh sovetskikh arkheologov* [Works of Art in Recent Finds of Soviet Archaeologists]. Moskva: Iskusstvo, s. 43–104. (In Russian).
- Яценко, И. В. 1977. Искусство эпохи раннего железа. *Произведения искусства в новых находках советских археологов*. Москва: Искусство, с. 43–104.
- Jacobson, E. 1995. The Art of the Scythians: the interpenetration of cultures at the edge of the Hellenic world. Leiden-New York: E.J. Brill, XVIII+305 p.
- Kalashnik, Iu. P. 2014. Grecheskoe zloto v sobranii Ermitazha: Pamiatniki antichnogo iuvelirnogo iskusstva iz Severnogo Prichernomor'ia [Greek gold in the Hermitage collection. Monuments of ancient jewelry art from the Northern Black Sea region]. Saint Petersburg: The State Hermitage Publishing House, 280 s. (In Russian).
- Калашник, Ю. П. 2014. Греческое золото в собрании Эрмитажа: Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 280 с.
- Kellner, H.-J. 1977. Pectorale aus Urartu. *Beleten*, Bd.41, S. 481–493. (In German).
- Kellner, H.-J. 1985. Kopfschmuck oder Brustschmuck? Bemerkungen zu neuen Funden aus Urartu. *Pro Arte Antiqua: Festschrift für Hedwig Kenner II*. Wien-Berlin: A.F. Koska, S. 226–229. (In German).
- Kellner, H.-J. 1991. Medallions and Pectorals. *Urartu. A Metalworking Center in the first Millennium B.C.E.* Jerusalem: The Israel Museum, p. 164–166.
- Klochko, L. 2011. «Mir zemnoi» v traktovke sozdatelei pektoral' iz kurgana Tolstaia Mogila (Dnepropetrovskoi obl.) [«The World Mundane» as interpreted by the makers of the Pectoral from the Tovsta Mohyla Mound (Dnipropetrovsk region)]. *Arta*. Seria: Arte vizuale, s. 32–38. (In Russian).
- Клочко, Л. 2011. «Мир земной» в трактовке создателей пекторали из кургана Толстая Могила (Днепропетровской обл.). *Arta*. Seria: Arte vizuale, с. 32–38.
- Lelekov, L. A., Raevskii, D. S. 1988. Inokulturnyi mif v grecheskoi izobrazitelnoi traditsii [The myth another culture in the Greek artistic tradition]. *Zhizn mifa v antichnosti* [The life of myth in Antiquity]. Moscow: Sovetskii khudozhnik, вып. XVIII, ch. I, s. 215–226. (In Russian).
- Лелеков, Л. А., Раевский, Д. С. 1988. Инокультурный миф в греческой изобразительной традиции. *Жизнь мифа в античности*. Москва: Советский художник, вып. XVIII, ч. I, с. 215–226.
- Mantsevich, A. P. 1974. Chertomlykskaia vaza i pektoral iz Tolstoi Mogily [Chertomlyk vase and pectoral from Tolstaya Mogila]. *Pulpudeva*. Sofia, vol. I. s. 83–98. (In Russian).
- Манцевич, А. П. 1974. Чертомлыкская ваза и пектораль из Толстой Могилы. *Pulpudeva*. Sofia, vol. I. с. 83–98.
- Mantsevich, A. P. 1975. K voprosu ob izobrazheniiakh «varvarov» na predmetakh torevniki iz kurganov Severnogo Prichernomor'ia [On the question of the images of the Barbarians on the objects of the toreutics from the tumuli along the Northern Black Sea Coast]. *Studia Thracica. Frako-skifskie kulturnye svyazi* [Studia Thracica. Thracian and Scythian Cultural Relations]. Sofia, vol. I, s. 112–126. (In Russian).
- Манцевич, А. П. 1975. К вопросу об изображениях «варваров» на предметах торевтики из курганов Северного Причерноморья. *Studia Thracica. Фрако-скифские культурные связи*. Sofia, vol. I, с. 112–126.
- Mantsevich, A. P. 1976. Izobrazheniia «skifov» v iuvelirnom iskusstve antichnoi epokhi [Images of «Scythians» in the jewelry art of the ancient era]. *Archeologia* [Archaeology]. Warszawa, vol. 26, p. 1–45. (In Russian).

- Манцевич, А. П. 1976. Изображения «скифов» в ювелирном искусстве античной эпохи. *Archeologia*, Warszawa, vol. 26, с. 1–45.
- Mantsevich, A. P. 1980. Zolotoi nagrudnik iz Tolstoi Mogily [The golden breastplate from Tolstaya Mogila]. *Thracia Serdicae*. Sofia, vol. V, s. 97–120.
- Манцевич, А. П. 1980. Золотой нагрудник из Толстой Могилы. *Thracia Serdicae*. Sofia, vol. V, с. 97–120. (In Russian).
- Martinez, J.-L. (ed.). 2015. L'épopée des rois thraces. Découvertes archéologiques en Bulgarie. Paris: Musée du Louvre. 399 p. (In French).
- Meliukova, A. I. 1979. Skifia i frakiiskii mir [Scythia and the Thracian world]. Moskva: Nauka, 256 s. (In Russian).
- Мелюкова, А. И. 1979. Скифия и фракийский мир. Москва: Наука, 256 с.
- Merhav, R. 1991. Some Observations on Pectorals and Medallions. *Urartu. A Metalworking Center in the first Millennium B.C.E.* Jerusalem: Israel Museum, p. 171–176.
- Mikhailin, V. Iu. 2010. Zolotoe lekalo sudby: pektoral iz Tolstoi Mogily i problema interpretatsii skifskogo «zverinogo stilia» [Golden template of fate: pectoral from Tolstaya Mogila and the problem of interpretation of the Scythian «animal style»]. Saratov–Saint Petersburg: LISKA, 172 s. (In Russian).
- Михайлин, В. Ю. 2010. Золотое лекало судьбы: пектораль из Толстой Могилы и проблема интерпретации скифского «звериного стиля». Саратов–Санкт-Петербург: ЛИСКА, 172 с.
- Mozolevskiy, B. M. 1979. Tovsta Mohyla. Kyiv: Naukova dumka, 251 s. (In Ukrainian).
- Мозольевский, Б. М. 1979. Товста Могила. Київ: Наукова думка, 251 с.
- Pidvysotska, O. P., Cherniakov, I. T. 2002. *Tekhnologichni sposterezhenia nad serednim yarusom pektoralii iz Tovstoi Mohyly* [Technological observations over the middle tier of Pectoral from Tovsta Mohyla]. *Muzeini chytannia* [Museum readings]. Kyiv, s. 17–26. (In Ukrainian).
- Підвисоцька, О. П., Черняков, І. Т. 2002. Технологічні спостереження над середнім ярусом пекторали із Товстої Могили. *Музейні читання*. Київ, с. 17–26.
- Pfrommer, M. 1982. Grossgriechischer und mittelitalischer Einfluss in der Rankenornamentik frühhellenistischer Zeit. *Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts*, Bd. 97, S. 119–190. (In German).
- Polin, S. V. 2014. Skifskii Zolotobalkovskii kurgannyi mogilnik V-IV vv. do n.e. na Khersonshchine [Scythian burial mounds Zolotaia Balka 5 th–4 th centuries BC in Kherson region]. Kyiv: Izdatel Oleg Filiuk, 776 s. (In Russian).
- Полин, С. В. 2014. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине. Киев: Издатель Олег Филук, 776 с.
- Savostina, E. A. 2016. K probleme atributsii pektoralii iz kurgana Tolstaia Mogila [To the problem of attribution of pectoral from the barrow Tolstaya Mogila]. *Artikult-21* [Articult-21], № 1, s. 85, 86. (In Russian).
- Савостина, Е. А. 2016. К проблеме атрибуции пекторали из кургана Толстая Могила. *Артикульт-21*, № 1, с. 85, 86.
- Savostina, E. A. 2019. Neskolko zametok o pektoralii iz kurgana Tolstaia Mogila: voprosy atributsii i kulturnoi prinaladzhnosti [Some remarks on the pectoral from the burial mound Tolstaya Mogila: the questions of attribution and cultural background]. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], vyp. XXXIX, s. 58–88. (In Russian).
- Савостина, Е. А. 2019. Несколько заметок о пекторали из кургана Толстая Могила: вопросы атрибуции и культурной принадлежности. *Боспорские исследования*, вып. XXXIX, с. 58–88.
- The Gold of Macedon. Archaeological Museum of Thessaloniki. URL: <https://www.amth.gr/en/exhibitions/permanent-exhibitions/gold-macedon>. (Date of the application 04.04.2019).
- Treister, M. 2005. Masters and Workshops of the Jewellery and Toreutics from Fourth-Century Scythian Burial-Mounds. *Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC – first century AD)*. Exeter: University of Exeter Press, p. 56–63, 190–194.
- Treister, M. Iu. 2010. Iuvelirnoe delo i torevtika [Jewellery and Toreutics]. *Antichnoe nasledie Kubani v trekh tomakh* [Ancient heritage of Kuban: in three volumes]. Moskva: Nauka, t. 2, s. 534–597. (In Russian).
- Трейстер, М. Ю. 2010. Ювелирное дело и торевтика. *Античное наследие Кубани в трех томах*. Москва: Наука, т. 2, с. 534–597.
- Venedikov, I., Gerasimov, T. 1973. Trakiyskoto izkustvo [Thracian treasure]. Sofia: Balgarski hudozhnik, 408 s. (In Bulgarian).
- Венедиков, И., Герасимов, Т. 1973. Тракийското изкуство. София: Български художник, 408 с.
- Vinogradov, Iu. A. 2007. Bolshoi lekif Ksenofanta [The large lekythos of Xenophantos]. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 64 s. (In Russian).
- Виноградов, Ю. А. 2007. Большой лекиф Ксенофанта. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 64 с.

Статья поступила в редакцию 23.03.2020 г.